

Россия-Италия: общие ценности: сборник научных статей XVII
Царскосельской конференции.- С-П: изд-во «Серебряный век», 2011.- С. 564-
582 (0,5 п.л.)

И.К. Фоменко, Е.И. Щербакова

«Северный орел» в южных морях. Италия с капитанского мостика»

*Моряки Архипелагской экспедиции ...осмелились простерети на
сие Море руку гидрографического искусства по всем правилам...
(Из посвящения Екатерине II в Атласе Архипелага 1788 г.)*

«Северный Орел» — это линейный корабль русского флота, а в южные моря он попал в связи с так называемой Морейской или Архипелагской экспедицией, отправленной в Средиземное море во время Русско-турецкой войны (1768—1774), чтобы совершить диверсию в тылу противника. В рамках экспедиции были последовательно отправлены 5 эскадр: первая, под командованием адмирала Г.А. Спиридова, вышла из Кронштадта в июле 1769 г.; за ней последовали эскадры контр-адмиралов Дж. Эльфинстона, И.Н. Арфа, В.Я. Чичагова и С.К. Грейга.

Первый екатерининский фрегат в Средиземном море — «Надежда Благополучия» — появился в этих водах гораздо раньше, еще в 1764 г. Он был зафрахтован компанией тульских купцов во главе с Иваном Владимировым, однако на борту корабля находились не только торговые люди, но и офицеры военно-морского флота. Опыт этой «разведки торгом» был учтен при подготовке к военному походу. «...Фактически на каждом линейном корабле, входившем в состав эскадр Архипелагской экспедиции, находились офицеры с «Надежды благополучия»...»¹, — пишет исследователь. И, помимо прочих задач, они пытались по мере сил обеспечить русский флот достоверными картами неизведанных доселе морей. Капитан «Надежды Благополучия» Ф.С. Плещеев получил от Адмиралтейской коллегии инструкцию, которая гласила: «Где будут при портах или случится приставать к каким берегам и островам жилым или пустым, сколько возможно стараться ему описывать обстоятельно и сочинять

планы, но оное описание делать с осторожностью, чтоб на себя какого подозрения никому не подать; накрепко ж наблюдать при входах в порты положения мест и портов, флюкса и рефлюкса (прилива и отлива — *И.Ф., Е.Щ.*), и возвышение воды где на сколько фут бывает, а промеры глубины при какой воде примечать»².

Восполнить катастрофическую нехватку карт пытался и вице-президент Адмиралтейской коллегии Иван Григорьевич Чернышев, который принял на себя «выписывание» европейских «карт Средиземному морю» в Лондоне, куда был назначен чрезвычайным и полномочным послом. В ходе Архипелагской экспедиции был составлен обширный корпус рукописных карт, многие из которых ныне хранятся в Государственном Историческом музее. Помимо русских карт, созданных на судах эскадры, в нашем распоряжении имеются рукописные копии иностранной графики. Исследуемые материалы составляют два блока: это карты из коллекции Ивана Григорьевича Чернышева и отчетный Атлас манускриптов, изготовленный на борту «Северного Орла». Нужно сразу оговориться, что мы будем рассматривать карты не по хронологии возникновения, а следуя за русскими эскадрами по мере их приближения к итальянским берегам.

Дальний морской переход для русского флота, изрядно обветшавшего ко времени правления Екатерины, оказался очень нелегким. Треть кораблей не добралась даже до Британских островов. Наш главный герой — «Северный Орел» — вышел из Кронштадта в составе эскадры Спиридова и вынужден был задержаться в Портсмуте для ремонта. Затем он присоединился ко второй эскадре (Эльфинстона), но, не дойдя до Архипелага, вернулся в Англию, где был продан на слом. Вместо линкора «Северный Орел» был куплен новый фрегат, получивший старое имя.

Важной частью картографической продукции, созданной во время движения эскадр к греческому Архипелагу, являются планы гаваней и портов, среди которых — гостеприимный Портсмут. Уделим ему немного внимания, так как формально нейтральная Великобритания оказала России

неоценимую помощь в организации этой экспедиции. *«Геометрический План и Западный Профиль Его Величества Дока близ Портсмута с Частью Города. Издано с дозволения Парламента 29 апреля 1754 года. Гравер П.К. Кэнот»* (ГИМ-57780; ГО-2360) **публикуется впервые**. Гравюра размером 66,5 x 50; 64 x 47,7 см (по рамке) происходит из личного архива Ивана Григорьевича Чернышева, который приобрел ее в числе прочих графических материалов в Англии в 1768 г. К карте подклеен лист с переводом на русский язык легенд: «Изъяснение профиля» и «Изъяснение плана» Портсмута. По периметру размещены миниатюры «Capital Ships», захваченных у французов в ходе двух морских сражений войны за Австрийское наследство (1740—1748). В роскошном рокайльном картуше, который декорирован морской атрибутикой и навигационным инструментарием, помещена легенда, посвященная победам флота «Владычицы морей». Кроме того, гравюру украшают герб Великобритании и стемма Джона Монтегю, 4-го графа Сэндвича, лорда Адмиралтейства, в честь которого получило название всем известное кулинарное блюдо.

По мере устранения неполадок русские суда покидали Англию, продвигаясь в далеко не дружественные «бурбонские» воды. Миновав Гибралтар, эскадра собралась в Порт-Магоне на острове Менорка (британские владения), откуда было уже рукой подать до Ливорно, «вольного порта»³ во владениях великого герцога Тосканского Пьетро Леопольдо, главной базы русского флота в Средиземноморье.

«Окуратная карта городу Ливорны с околележащими местами сочинена при фрегате Северном Орле. Смотри по журналу 1776 год сентября 14 число» (ГИМ-89960; ГО-4042/2) **публикуется впервые**. Манускрипт (акварель, тушь) размером 74,3 x 52,5; 72,5 x 50 см (по рамке) ориентирован на Восток, о чём свидетельствует плавающая в голубых водах компасная роза о восьми лучах. На изумрудных графических полях terra ferma в обрамлении заглавия и двух масштабных линеек присутствует «Изъяснение» наиболее значимых (для русских моряков) пунктов:

«А Город Ливорна.

В Маяк называемый Лантерна (дословно с латыни — «фонарь», *И.Ф., Е.Щ.*).

С Башня называемая Марзокко.

Д Вновь строящийся карантинной дом.

Е Лазарет или карантинной дом.

Г Черная гора или Монтенегро.

Г Крепостца при устье реки Арны, впадающей тут прошед Флоренцию и Пизу.

Н Четвероугольная башенка имянуемая Малора, находящимися в круге оной мелями».

Акватория вокруг порта тщательно промерена, береговая линия четко вычерчена, отмечены мели и скалы — все это свидетельствует о чрезвычайной важности данного пункта для русских кораблей, а также и о том, что картографированием местности здесь можно было заниматься не спеша, с расстановкой.

Довольно точно описал Ливорно капитан одного из русских судов Степан Петрович Хметевский: «собой не велик, только многолюден; окружен весь хорошею крепостию с широким с водой каналом; строение хорошо, нет менее домов, как о четырех, а большая часть пять и шесть этажев; одна широкая улица, на которой купеческия лавки, а протчия все уски, только по каждой карете проехать можно; купеческая гавань прикрыта с отрытова моря муллою, по которой довольно поставлено пушек, в которой много судов стать может; крепятся с кормы за пристани, а сносу кладут якори, глубина воды до 16ти футов». В порту его внимание привлек «мраморный столб, к которому прикованы по углам четыре статуи медныя великой величины и точнаго человеческого изображения» — один из символов города монумент «Четыре мавра». На постамент водружена статуя Фердинандо I Медичи, а внизу побежденные им морские разбойники, коих «в оковах унылость изображена точно»⁴.

Наше небольшое исследование касается не только вопросов картографии, но и проблемы восприятия участниками экспедиции инокультурной среды, в которой они оказались. Русские моряки ступали на итальянский берег, ожидая окончания ремонта своих судов и отплытия в Архипелаг или в Россию. Контакты с местным населением были многообразны, случались и пьяные драки, и кражи, и даже смертоубийства. В Ливорно пострадали плантации устриц, располагавшиеся в городском рву, который был занят русскими барками, а в его пригородах русские свиньи (в прямом зоологическом смысле слова) потравили крестьянские посевы. После побоища в бильярдной Порто-Феррайо эта игра на острове Эльба после 11 часов вечера была запрещена. Нарушители обычно передавались в руки флотского командования, которое поступало с ними по собственному усмотрению.

В конце 1772 г. небольшой вояж из Ливорно в Рим по поручению адмирала Спиридова совершили лейтенант Суховатый (Суховатов), адъютант Ржевский, мичман Голицын и поручик Жуков, который, заметим, владел итальянским языком. Какова была миссия русских моряков, нам неизвестно. По справедливому утверждению публикаторов их «Записки», «культурные, географические и военные аспекты освоения русскими офицерами Италии в годы войны оказывались зачастую неразличимыми»⁵.

В Рим они ехали через Пизу и Сиену, возвращались через Флоренцию. На протяжении пути русские моряки фиксируют качество дорог, отмечают, многолюдны ли поселения, обращают внимание на городские укрепления и мосты. Их приятно поражают добротность «строения», мощные мостовые и чистота улиц, приветливость жителей, «особливо женщин, которые почти все собою очень хороши». Из «Записки» мы узнаем, что казино — это «дом, где собираются дворяне», а «каверзация» — «италианских дворян сборище». Пиза примечательна соборной церковью, двери которой «все литые из колокольной меди с разными изображениями барелиев; возле ... имеется превысокая башня, построена так наклонно что кажется будто угрожает

падением». Во Флоренции «были в большой герцогской галлерее», где хранятся разные «диковинные вещи», «сделанные преудивительно», как, например, столы «из разных прозрачных камней, вид представляющая цветков столь хорошо, что ни один живописец не может так написать» — так описана знаменитая «флорентийская мозаика».

Добравшись до Рима, путешественники «пристали в немецком трактире; и, переодевшись, напервее всего поехали к его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову». Возможно, именно к нему у них были поручения от Спиридова, а может быть, посетить сановного мецената обязывала простая учтивость. Рим потряс своими масштабами — площадь святого Петра «чрезвычайной величины; и нету оной во всем свете подобной», драгоценные мраморы и мозаики, «самолутшей работы живопись» собора, с купола которого «не токмо виден весь Рим, но и море» — и количеством особ духовного звания, которые «в Риме, и во всей Италии; в великом почтении». Подробно описано, как одевается высшее духовенство, как выглядит Папа и как народ чествует его «с крайним восхитительным усердием». Представляться папе они, однако же, отказались, не имея на это «от его высокопревосходительства (Спиридова) повеления». Но обилие духовных лиц делает, по мнению русских офицеров, людей, по всей видимости, весьма светских, «римские коверзации весьма скромными и скушными, ибо у них никаких веселостей не употребляют, опричь длинных разговоров, и духовные все в обхождении имеют поступку важную и горделивую», а главное — там почти нет «благородных женьщин, которые все почти прекрасны и имеют острый разум и весьма обходительны».

Один нюанс, прозвучавший в «Записке» вскользь, для нас особенно интересен. Собравшись посетить богослужение в папской резиденции, моряки «пришед пред церковью в галлереею, встретилися с одним духовным, которому объявили, что мы Русские и желаем итьти в церковь; и оной с большею ласковостию проводил»⁶ их. Итальянские государства оказались первопроходцами в общении с целой колонией поданных Екатерины II,

сложившейся в течение войны. Как проникательно замечала императрица: «мудрая Европа одобрит только тогда мои планы, когда они счастливо удадутся»⁷. И отношение к русским менялось в зависимости от военных побед и усиления влияния России в регионе.

Уже знакомый нам капитан Хметевский, «Журнал» (или «Дневник») которого охватывает период с 1770 по 1774 г., подтверждает это мнение. Обычно тем, кто вернулся из Архипелага, следовало пройти трехнедельный карантин. В марте 1774 г. Хметевский, прибывший в Ливорно, записал: «Карантин российским военным судам полагается всех держав меньше. ...Для нас, русских, карантинные надзиратели особое почтение и доверенность имеют и никакой нации сравнения с нами нет; ни что иное их понуждает нас почитать, как только наша щедрость...» Об этой стороне «загадочной русской души» мы еще поговорим, а пока вернемся к впечатлениям русских моряков от итальянских градов и весей.

Хметевский возвращался домой посуху, его путь лежал через Пизу, Флоренцию, Болонью, Феррару, Падую и Верону, неподалеку от которой он переправился на пароме — «на две сплоченных лодках» — через реку на германскую сторону. Как и прежние наши герои, он сообщает, хорошо ли «строение», «людны» ли города и какого они «владения»; отмечает каменные набережные и качество дорог. Причем, если «дороги герцогом тосканским зделаны хорошие так, что нигде таких подобных нет», то в папских владениях они не в пример хуже. Вообще, нам показалось, что Хметевский несколько неприязненно относится к католической церкви вообще и к Папе в частности. В Ферраре он замечает контраст между великолепием церквей и монастырей и скромностью обывательских домов; в селении «Мон Селисе, папскова владения крестьяне ... живут бедны; избы зделаны у них из камышу и вымазаны глиною, а сверху покрыты извескою».

Как и 300 лет назад, когда делегация московитов во главе с митрополитом Исидором прибыла на Ферраро-Флорентийский собор (1439), русских людей поражают водопроводы и фонтаны, которые не только

снабжают водой, но и украшают итальянские города. «Во всех почти городах Италии, — пишет Хметевский, — чрез проведенныя трубы бьют безпрестанно фонтаны чистой воды, зделаны разными фигурами древних каких героев и женщин или, и зверей, и ползущей по земле гадины, как для удовольствия жителей водой, также тем делает городу великую красоту».

Как и любой внимательный путешественник, Хметевский отмечает все, что «примечания достойно», и не только культурно-исторические ценности. В Пизе, помимо «медных дверей» собора и «довольно кривой» колокольни, он ознакомился с купальнями «из теплой натуральной воды», где, кстати, поправлял здоровье главнокомандующий русскими эскадрами Алексей Григорьевич Орлов; по дороге во Флоренцию в трактире «видел в колесе ходит собачка, чрез что вертится с жарким вертел», отведал обжаренных в муке лягушек и т.д. «От Пизы до Флоренции место ровное и низкое, для чево земля обсушена частыми каналами, подле которых насажена ветла в линию и подле их посажен виноград, который с дерева на дерево привязан к кольям фигурами, что представляет тем хорошей вид, да и все поля регулярным садом кажутся», — пишет Хметевский. А проблемы, которые вставали перед нашими соотечественниками в XVIII в., знакомы практически любому русскому туристу сегодняшнего дня: «нам в городах было скушно по незнанию языка, а веселее в деревне, для чево извощиков принуждали ехать ...; они противу нас во оном были ослушны, ехать не хотели, и, друг друга не разумея, много потерпели скуки и от жителей посмеяния»⁸.

Но вернемся, наконец, к картам. Хотелось бы представить вашему вниманию «*План Порта Анконы. Анкона. 10 Мая 1780 г.*» (ГИМ-55116; ГО-1123). Русские моряки, посетившие во время экспедиции немало итальянских городов, в Анкону не заходили. Возможно, карта была приобретена Чернышевым с расчетом на будущее, а может быть, просто из-за красоты этого итальянского манускрипта (акварель, тушь, чернила) размером 50 x 34; 46,2 x 30 см (по рамке), который мы **публикуем впервые**. На карте представлена панорама одного из лучших портов Средиземноморья,

свидетельством чему может послужить средневековая итальянская поговорка: *Unus Petrus in Roma, una Turris in Cremona, unus Portus in Ancona* (Папа в Риме, Башня в Кремоне, Порт в Анконе).

Подковообразно выгнувшаяся в зеленых водах Адриатики анконская гавань представляет собой идеальную морскую базу. Две компасные розы с 8-ю румбовыми линиями пересекают пространство гавани, испещренное промерами глубин, расположенными в строгом геометрическом порядке! В правом верхнем углу на ветвях, которые свешиваются с обрывистого берега, полощется «*Pianta del Porto Ancona*» с комментарием к латинским литерам, рассеянным по молам и *terra fermae*:

«**А.А.** Главный новый Мол, основание которого заложил Инженер Луиджи Ванвителли, затем работы были приостановлены. Впоследствии, около 1733 г., там погибли двое Кассони, которые должны были строить другую часть этого Мола. **В.В.** Продолжение нового Мола, к сооружению которого приступили Инженеры Карло и Филиппо Маркианни в конце 1775 г., и продлили его до самого конца. **С.** Площадка, подготовленная для Укрепления и Маяка. **Д.** Дамба, сооруженная для защиты нового Мола. **Е.** Вход, сооруженный Маркианни для очистительных работ. **Ф.** Новый Карантинный лазарет. **Г.** Пристань для разгрузки. **Н.** Арсенал. **И.** Бастион Св. Приммиана⁹. **Л.** Бастион Св. Августина. **М.** Бастион Св. Лючии. **Н.** Скалистая Гряда. **О.** Небольшая Колонна. **Р.** Причал для мелких Судов. **Q.** Увеличение ровной поверхности. **Р.** Древний Мол. **S.** Старинное Укрепление. **Т.** Арка [императора] Траяна. **U.** Дом с Колоннами».

Гораздо большее практическое значение имела для русского флота гавань Порто-Феррайо на острове Эльба, доки которого могли принять большие суда для сложного ремонта (в частности, кренгования¹⁰). «*План Порто-Феррайо, что на острове Эльба, а также его гавани и различных городских сооружений, с посвящением Е(го) В(еличеству) Великому Герцогу Тосканскому, и проч. проч. проч. [Порто-Феррайо. 1780—1782]*» (ГИМ-57780; ГО-2099) публикуется впервые. Манускрипт (тушь, акварель) из 4-х

листов размером 103 x 146, 96 x 139 см (по рамке), выполненный на бумаге западноевропейского производства второй половины XVIII в., происходит из коллекции Чернышева. Язык карты — итальянский, масштаб выражен во флорентийских браччо (коих насчитывается около 150 в дюйме). В архитектурном картуше, помимо титула и посвящения великому герцогу Тосканскому, имеется обширная пояснительная легенда к 44 латинским литерам, которыми отмечены укрепления и важнейшие архитектурные сооружения Порто-Феррайо. На манускрипте показаны также промеры глубин и якорные стоянки. Вероятно, карта является русским заказом итальянскому мастеру. В пользу этого предположения говорят миниатюры русских кораблей, которые бороздят изумрудную гладь Mare Mediterraneo, — один под красным адмиральским штандартом, другой под флагом св. Андрея.

Еще один порт, который не могли миновать российские корабли на пути в восточное Средиземноморье — Мессина, находившаяся во владении Неаполитанского королевства. *«Карта Гавани Мессинской на острове Сицилии сочинена при фрегате Северном Орле, смотри по журналу 1776 год ноября 26 число»* (ГИМ-89960; ГО-4042/6) публикуется впервые. Манускрипт (акварель, тушь) размером 39,5 x 31,2; 35,7 x 22,2 см (по рамке) снабжен размещенным под титулом «Изъяснением» к пяти важнейшим объектам, отмеченным латинскими литерами: **А** Крепость. **В** Крепостца, где поднимается флаг. **С** Маяк. **Д** Гавань. **Е** Карантинной дом».

Незначительное количество промеров в гавани Мессины (всего 17 единиц) и лапидарная топонимика говорят о том, что российские корабли заходили в порт лишь на непродолжительное время, отношения с властями Королевства обеих Сицилий у России были не столь теплыми, как с великим герцогом Тосканским. Зритель может видеть на карте знаменитую «Палаццату», растянувшуюся вдоль набережной непрерывную серию дворцов, обрамляющих порт. Спустя 7 лет после пребывания в Мессине «Северного Орла» город потрясло нередкое в этих краях землетрясение, практически вся «Палаццата» была разрушена, погибло около 1200 человек.

На нашей же карте набережная еще щетинится челюстью из 17 дворцовых фасадов. Наметанный глаз Хметевского (к его «Журналу», кстати, тоже прилагались карты, среди которых карта Мессины одна из самых красивых) фиксирует: «К морю есть крепость довольно великая и хорошая. По близости крепости есть хорошая гавань, которая от всех ветров закрыта. В ней военных кораблей стоять до двадцати может кроме купеческих. По оной гавани к морю поделаны ботареи. Но со всем тем место сие, сказывают нездоровое. На выходе из пролива, когда идешь к N, то поперег всего пролива спорное течение так сильно бывает, что при тихих ветрах судно не слушает руля и вертится в течении по своей воле; так что приносит к берегу очень близко, чрез то делает великую опасность. Якорей за необычайной великой глубиною бросить не можно». Напомним, что именно в Мессинском проливе обитали Сцилла и Харибда античной мифологии.

Последний лист (№ 17) из Атласа манускриптов¹¹, который был изготовлен на борту фрегата «Северный Орел» (ГИМ-89960; ГО-4042/17), заполняют виды островов и мысов Средиземноморья (8 регистров по 2 изображения в каждом). Поистине неизгладимое впечатление на русских моряков производил вулкан Стромболи (изображение № 4), который на протяжении несколько тысяч лет извергается каждые 120 минут. Хметевский писал: «Как из онова острова, так не по далеку лежащаго острова Вулкана выходит почти из вершин их густой дым и по ночам видно, что из оных пропастей выкидывается огонь»¹².

Средиземноморский поход русских эскадр вызвал немалый интерес в Европе. Достаточно оперативно отреагировала на первую Архипелагскую экспедицию и картография. «*Географическая Карта, представляющая СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ или вторую часть Театра Войны между Русскими и Туркамию...*» 1770 г. аугсбургского мастера Конрада Тобиаса Лоттера (ГИМ-65829; ГО-3991) **публикуется впервые**. Иллюминированная гравюра на французском языке, состоящая состоит из 3-х частей, размером 141,8 x 64; 131 x 53,2 см (по рамке) из коллекции О.Г. Шереметевой была подарена

Государственному Историческому музею в 1928 г. Барочную раму окружают путти-ветродуи и нимфы, в декоре доминирует морская символика: весла, якорь, компас, корабли, идущие на всех парусах. По всему периметру карта испещрена отверстиями от булавок, гвоздей и пр., поле табулы покрыто следами от мух, свидетельствуя о том, что длительное время ее использовали как навигационный инструментарий.

Победы русского флота в Хиосском проливе и в Чесменской бухте, вызвали большой резонанс в Европе и полное недоумение в Османской империи. «...Когда Чесменский флот показался в архипелаге, — писал Константин Михайлович Базили, — сам султан и весь Диван его ломали головы, чтобы понять, каким образом корабли России ... могли, не пройдя Босфором, войти в Средиземное море. ...Французский посланник должен был на карте растолковать реис-эфенди, министру иностранных дел, каким образом русский флот проплыл кругом Европы»¹³. На переднем плане гравюры — поверженный жезл трехбунчужного капудан-паши Хасан-бея и головной убор с султаном в обрамлении российской арматы.

Русская эскадра вышла из Кронштадта 18 июля 1769 г. и осенью проходила «Destroit de Gibraltar». На карте Лоттера при входе в пролив присутствует ее изображение; в Атлантике разыгрывается символическое морское сражение, в котором принимает участие русский флот (на знаменах угадывается двуглавый орел). Сюжеты Русско-турецкой войны, отраженные в художественном картуше, который обрамляет титул, позволяют предположить, что автор карты знал о победах русских войск при Ларге и Кагуле и о полном истреблении турецкого флота в Чесменском сражении, хотя самой Чесмы на карте нет.

Вероятно, впервые карта с *«Изображением Одержанной над Турецким флотом Победы, Флотом ЕЯ Императорского Величества) Всероссийской, под предводительством Генерала Графа Орлова 24 июня/ 5 июля 1770»* (ГИМ-60083; ГО-3290) была выполнена по заказу А.Г. Орлова непосредственно в Италии, где находился главнокомандующий русскими

эскадрами. Иллюминированная гравюра размером 59,4 x 44; 51,4 x 37 см (по рамке) на бумаге западноевропейского производства (филигрань — «страсбургский щит» — «fleur de lis», заключенный в круг) публикуется впервые. Титул и пояснение к литерам, носят билингвистический характер — на русском и французском языках; топонимика приводится только по-французски. Во французской версии титула имеется прямое сообщение, что этот «Plan General De La Victoire...» издан по приказу («par Order») Графа А.Г. Орлова («Comte Orlow»). Подобные карты, изготовленные в Европе, Орлов присылал в Гравировальную палату Академии наук, где с них производилась перегравировка.

В конце 1775 г. было решено отправить из Кронштадта в Черное море флотилию, состоявшую из следующих судов: фрегат «Северный Орел», который шел под военно-морским флагом; фрегаты «Павел», «Григорий» и «Наталия», имевшие на борту по 32 орудия, в песке в трюмах; «Св. Павел» под командованием знаменитого впоследствии Федора Ушакова и «Констанция» — под видом торговых кораблей. Это вторая Средиземноморская экспедиция «Северного Орла».

На фрегат «Северный Орел» получил назначение Александр Семенович Шишков, будущий президент Российской академии наук и министр народного просвещения, увековеченный Пушкиным в едкой эпиграмме:

«Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!»

Он является автором путевых записок, облеченных в эпистолярную форму, которые были опубликованы в журнале «Русская старина» в 1897 г. «Эскадра наша, — писал он, — послана сюда для заведения в здешних местах купечества или, лучше сказать, для умножения больших военных

судов на Черном море, ибо, как слышно, что мы под именем купцов пройдем через Константинополь в Керчь»¹⁴. «Северный Орел» должен был проводить до Константинополя два «купеческих» судна из состава флотилии, а потом вернуться в Мессину и встретится там с тремя другими. И любознательный Шишков «переписался» временно на «Констанцию», чтобы, пока корабль нагружается, повидать Италию.

Записки Шишкова особенно интересны тем, что он, в отличие от наших прежних героев, рассуждает уже в гораздо большей степени как турист, созерцающий местные достопримечательности без каких-либо определенных целей. Вероятно, культурные горизонты русских людей неуклонно расширялись. Не ограничиваясь казино и «конверзациями», Шишков абсолютно везде, куда бы ни попадал, посещает театры, сравнивая актерскую игру и поведение зрителей. В Пизе он не просто изумляется медными литыми дверями соборного храма и «криво стоящей пустой толстой и высокой башней», о которой пишут все. «Мы всходили, — сообщает Шишков, — на самый верх башни, однако никто из нас не осмелился обойти кругом оной по колонне, которая была без перил»¹⁵. Восхищаясь красотами Флоренции, он демонстрирует определенный уровень эрудиции и, если так можно выразиться, туристической подготовленности. «Сказывают, — пишет Шишков, — Альберт Саксонский¹⁶ говаривал, что не должно его (город) показывать иностранцам, как только по праздникам и воскресеньям: столь он ценил красоту оногo!»¹⁷ Шишков единственный заметил во Флоренции, помимо «гранддюковой галереи», которая «справедливо почитается лучшею во всей Италии вещью», университет, «славную академию» и «весьма хорошие библиотеки». Кроме того, он дает полезные рекомендации будущим путешественникам: «Молодому человеку, путешествующему для разсмотрения достопамятностей в других государствах, надлежит непременно читать прежде книги, описующие тот город, в который он въезжать намерен, дабы приуготовиться, на какие предметы устремить свои примечания»¹⁸. В остальном, все стандартно: хорошие дороги, каналы,

возделанные земли. Мелкопоместный помещик Кашинского уезда, Шишков замечает: «Показалось мне хорошим у них также и то, что каждый земледелец имеет свой дом на той земле, которую он работает, и чтоб можно было ему отправлять обыкновенную свою работу, то не имеет он нужды отходить далее ста шагов от своего дома; напротив того, наши крестьяне преимущества сего лишены и принуждены иногда бывают за несколько верст от своей деревни земледельствовать»¹⁹.

Особого упоминания заслуживает обширный пассаж, посвященный характеристике итальянского народа, правда, несколько однобокой. «Итальянцы народ очень учтивый, всего больше почитают они червонцы, никого так не любят, как щедрых и тщеславных господ, и ежели у кого видят в руках много денег, того они, без всякой запинки, как-будто во всех местах сговорясь, называют полубогом и стараются всевозможные показать ему услуги, не ступя и шагу, за что бы им заплатить было не должно». Они «великие охотники до денег, будучи сами не весьма щедры. ... Часто бывают у них конверзации, то есть собираются на вечер сидеть в один дом и провождают время в разговорах или в каких-нибудь забавах, причем хозяин не весьма великий терпит убыток, ибо гостей своих подчует одним своим хозяйством, а когда станет подходить дело к ужину, так они пожелают ему доброй ночи и разойдутся». Шишкову и его спутникам частенько оказывали разные совершенно излишние услуги, за которые они вынуждены были платить, «чтобы избежать стыда». «Не знаю, почему сии люди вздумали, что мы больше на свете значим и богаче в самом деле гораздо, нежели какими себя показываем». Он удивляется и сам же все объясняет: «Русские наши во время войны сказывают, обогатили всю Тоскану, так и поныне еще слава о щедрости их не умолкает»²⁰. Масштабность расходов русских, как простых офицеров, так и вельмож, устраивавших великолепные празднества для знати и увеселения для простолюдинов, вообще была характерной чертой пребывания наших соотечественников в Италии. Ко времени второй Средиземноморской экспедиции «Северного Орла» русские уже успели

зарекомендовать себя людьми щедрыми до расточительности, от чего и претерпел мичман Шишков со товарищи.

Путь фрегата «Северный Орел» можно проследить по *«Генеральной плоской карте, ...сочиненной на правой компасъ въ 1777 годъ на фрегате Северном Орле во время онаго съ Эскадрою плавания, означеннаго при сем Пунктирными линиями, отъ перваго почти до послѣдняго места»* (ГИМ-89960; ГО-4042/16). Она представляет собой лист № 16 из Атласа рукописных карт, который был изготовлен на борту этого корабля и являлся приложением к судовому шканечному журналу²¹. Манускрипт (акварель, тушь) размером 65 x 50,4; 59,7 x 45,2 см (по рамке) изготовлен на бумаге западноевропейского производства второй половины XVIII в. (филигрань — Strasburg Lily, увенчанная короной, с ульем у основания, а также контрамаркой — литерами C & I Honig / IV). Масштаб и экспликация на карте отсутствуют, так же как и обещанное в титуле обозначение маршрута корабля пунктирной линией; показаны мели (точками), подводные камни (крестиками), важнейшие мысы. Оформление топонимов, которые не привязаны к местности каким-либо условным значком, и расположение названий по отношению к береговой линии, несомненно, восходят к позднесредневековым портоланам.

Карту можно смело отнести к разряду курьезных. Русский картограф, руководствуясь чисто практическими целями, опустил такие регионы, как Ботнический залив и западное побережье Скандинавского полуострова (к Архипелагской экспедиции они отношения не имели), значительную часть Британских островов (за исключением южного побережья Англии) и северную Адриатику. Контуры Апеннинского полуострова выглядят как на средневековых *mappe mundi* (картах мира). И вместо классического «итальянского сапога» российский зритель видел милый сердцу сапог валяный, русский валенок — яркое свидетельство того, что русским морякам в этом походе многое приходилось делать впервые, в том числе и карты Средиземноморья.

-
- ¹ Образцов В. «Надежда благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // «Родина». 2010. № 2. С. 79.
- ² Цит. по: Образцов В. «Надежда благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // «Родина». 2010. № 2. С. 78.
- ³ С 1547 г. в этой гавани можно было осуществлять любые торговые сделки без таможенных пошлин и инспекционного контроля.
- ⁴ Цит. по: Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. 2011. С. 691.
- ⁵ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. 2011. С. 548.
- ⁶ Текст «Записки» цитируется по: Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. 2011. С. 549—560.
- ⁷ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. 2011. С. 250.
- ⁸ Текст «Журнала» цитируется по: Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. 2011. С. 691—695.
- ⁹ Святой Примиан — один из первых епископов Анконы; почитается также православной церковью.
- ¹⁰ Кренгование — наклон судна без выхода киля из воды с целью осмотра и ремонта его подводной части.
- ¹¹ Частично опубликованы в каталоге выставки: Атлас Архипелага и рукописные карты Первой Архипелагской экспедиции русского флота 1769—1774 гг. М. 1997.
- ¹² Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М. 2011. С. 689.
- ¹³ Базили К.М. Очерки Константинополя. Босфор и новые очерки Константинополя. М. 2006. С.171—172.
- ¹⁴ Русский путешественник прошлого века за границу // «Русская старина». 1897. Т. 90 № 5. С. 420—421.
- ¹⁵ Русский путешественник прошлого века за границу // «Русская старина». 1897. Т. 90 № 6. С. 621.
- ¹⁶ Альберт Саксонский (1316—1390) — средневековый философ, логик, математик и естествоиспытатель.
- ¹⁷ Русский путешественник прошлого века за границу // «Русская старина». 1897. Т. 90 № 6. С. 625.
- ¹⁸ Там же. С. 627.
- ¹⁹ Там же. С. 624.
- ²⁰ Там же. С. 622—623.
- ²¹ Атлас составлялся с 26 августа 1776 г. по 17 июля 1777 г.; 1 том; 40,3 x 32,2 x 1,8 см; 16 листов карт + 1 лист профилей в переплете; западноевропейская бумага второй половины XVIII в.; акварель, тушь, карандаш; переплет — прессованный картон, мраморная бумага (турецкая бумага); углы и корешок атласа оформлены кожей, с применением тиснения и позолоты.